

— Предоставленное мне двором жилье находится на глухой окраине, вдали от императорского дворца. Там нет столичной суеты, до городских ворот всего пара шагов, зато как же там спокойно и тихо.

— Раз уж ты пришла, маленький бродяга, мне теперь не так скучно.

— Выходи из кареты.

Стражник откинул полог. Е Жу подняла голову, ожидая увидеть изящный и уединенный дворик, но вместо этого перед ней полыхнуло огнем. Фонари под крышей освещали входную залу так ярко, что буквы на вывеске, висевшей над дверью, казались почти осязаемыми.

Цзянхулоу.

Назвать кабак именем Цзянху — это было по-настоящему дерзко.

Е Жу искоса взглянула на своего спутника:

— Ты ведь говорил, что мы едем к тебе домой?

Цзян Сычэн беззаботно рассмеялся:

— Во дворце у тебя отобрали весь обед, да и я не успел толком поесть. Раз уж мы наконец вернулись в Столицу, как я могу не заглянуть в такое славное местечко и не пропустить по чарочке!

Е Жу беспомощно вздохнула. Она уже хотела было спустить ногу на землю, но Цзян Сычэн остановил её:

— погоди! В этом кабаке полно всякого сброда из цзянху, напьются — и меры не знают. Ты, девчонка, лучше замаскируйся, а то еще приметит кто-нибудь такую красавицу!

В прошлой жизни ей часто приходилось проходить обследования, поэтому волосы она носила коротко стриженными. С тех пор как она попала сюда, за её прической следили служанки. Но соорудить подобие конского хвоста сейчас было несложно.

Размышляя об этом, Е Жу нацепила на голову заколку, кое-как скрутила волосы, а затем накинулась сверху его верхнее платье. Длинные полы одежды полностью скрыли её обувь.

Когда она выбралась из кареты, Цзян Сычэн, глядя на Е Жу, которая выглядела как ребенок, нарядившийся во взрослую одежду, да еще и с копной растрепанных волос, не смог сдержать

улыбки. Он сорвал со своей головы заколку, швырнул её Е Жу, а затем с молодецким размахом скинул с плеч свой широкий халат.

— Надевай, я подожду тебя снаружи!

Е Жу с досадой посмотрела на одежду в руках и распустила волосы.

— Верю, ты и правда мелкий бродяга, ха-ха-ха! Ни одна порядочная девушка не умеет так себя уродовать.

Сказав это, он подошел ближе, протянул руку, распутал её волосы и ловко их зачесал. Е Жу почувствовала себя уязвленной: прически в этом мире держались на честном слове, как их можно было так быстро и крепко закрепить? Но Цзян Сычэн в два счета привел её лохматую шевелюру в порядок, отчего Е Жу ощутила досаду.

Приведя себя в относительный порядок, они вместе вошли в кабак. Цзян Сычэн бесцеремонно приобнял Е Жу за плечи. Стражники, судя по всему, были с ним в приятельских отношениях, поэтому, переступив порог, каждый из них отправился искать себе местечко по душе.

Едва Е Жу вошла внутрь, на неё нахлынула густая атмосфера цзянху. На втором этаже сказитель вел рассказ о последних новостях, а официанты сновали туда-сюда, выкрикивая заказы. Цзян Сычэн, как у себя дома, выбрал отличное место на втором этаже. Увидев его, официант расплылся в улыбке.

— О! Да это же наш герой, младший генерал Цзян! Месяца три вас не было, с тех пор как на границу уехали!

Цзян Сычэн махнул рукой:

— Давай живее!

— Будет сделано! Господин, подождите минутку!

— Сначала принеси два кувшина лучшего вина!

— Слушаюсь!

Е Жу, глядя на их непринужденное общение, поняла, что Цзян Сычэн здесь частый гость, и невольно улыбнулась. Во дворце каждый шаг был скован правилами. Кроме Ли Яцин, той избалованной маленькой принцессы, у которой еще оставались хоть какие-то живые эмоции, остальные жили по строгим канонам, не смея нарушить ни единого запрета. Там невозможно было услышать такой простой, искренний разговор или увидеть такие открытые улыбки.

Сидя напротив Е Жу, Цзян Сычэн, оставшийся в одной лишь нижней рубаше, распахнутой на груди, выглядел ничуть не менее благородно. И хотя говорят, что человека красит одежда, истинную стать не скроешь никаким нарядом.

— Что, хорош собой ваш покорный слуга?

Заметив взгляд Е Жу, Цзян Сычэн подмигнул ей.

— Конечно хорош. Если бы в борделях принимали мужчин, то за твою статью столичные барышни дрались бы, чтобы выкупить твое время.

Е Жу никогда не отличалась кротостью, а в кабаке и вовсе расслабилась. Она говорила всё, что приходило в голову, и бесстыдно, как заправский гуляка, разглядывала смуглую кожу Цзян Сычэна.

Тот на мгновение опешил, а затем расхохотался.

— Ха-ха! Ну ты и бродяга, язык у тебя подвешен что надо!

Не прошло и минуты, как официант принес вино. Он с мастерским шиком откупорил кувшины, и по залу разлился густой аромат.

Отличное вино!

Глаза Е Жу загорелись. Вино в древности было куда натуральнее, без современных добавок, а аромат зерна по-настоящему пьянил. В прошлой жизни, как только ей становилось лучше, она умоляла врачей разрешить ей съесть что-нибудь вкусное. Эрготоу с говядиной могли радовать её несколько дней, но из-за слабого здоровья случалось это редко. Теперь, когда у неё было здоровое, крепкое тело, она ни за что не станет себе отказывать!

Официант поставил две чаши.

— Пейте, господа! Еда скоро будет!

Цзян Сычэн не планировал поить её, и когда Е Жу потянулась к чаше, он опередил её.

— Ты же девчонка, куда тебе пить!

Е Жу возмутилась и выхватила кувшин.

— Когда я была... когда я жила на помойке, я вино вместо воды пила. Еще неизвестно, кто кого

перепьет!

Цзян Сычэн приподнял бровь, изобразив на лице преувеличенное изумление:

— Ого! Не стоит разбрасываться такими словами, юная леди!

Е Жу дерзко усмехнулась. Не обращая внимания на чашу, она обхватила кувшин обеими руками и сделала большой глоток.

— Ха!

Цзян Сычэн был заинтригован.

— Никогда не встречал таких девчонок. И язык острый, и пить умеешь!

— А то!

Официант принес мясо и, увидев два пустых кувшина, изумился:

— Ого! Вот это аппетит у господ!

Е Жу закатала рукава и, подражая тону Цзян Сычэна, крикнула:

— Неси еще два кувшина!

— Будет сделано!

Цзян Сычэн не выдержал и рассмеялся:

— Забавно, очень забавно! Ха-ха!

Е Жу подцепила палочками кусок мяса и отправила в рот. Её засученные рукава обнажили тонкие белые руки. Цзян Сычэн взглянул на них и подколот:

— С такими ручками, тоньше моих пальцев, а еще строишь из себя braveго господина!

Е Жу сжала зубы. Тепло разлилось по пищеводу и внезапно взорвалось в желудке обжигающим жаром, отчего её пробрала дрожь. Глядя на её удаль, Цзян Сычэн тоже отбросил чашу, одной рукой поднял кувшин и начал пить прямо из горлышка.

Е Жу не осталась в долгу и, обхватив свой кувшин, принялась жадно пить. К тому времени, как принесли мясо, два кувшина уже были пусты.

Е Жу вытерла рот рукавом. Вино здесь было похоже на сорокаградусную водку — опьянеть она не успела, но чувствовала себя превосходно. Не обращая внимания на приличия, она с размаху ударила своим пустым кувшином о кувшин Цзян Сычэна.

— Ну как тебе?

Она искоса взглянула на него, собираясь что-то сказать, но её внимание привлекли слова сказителя:

— Говорят, в тот день пламя лизало небеса! Огонь бушевал три дня и три ночи, и до сих пор не угас! Высокие ворота резиденции князя Му рухнули в одночасье! Наш император, проявив величие, лично возглавил поход, и мощь его потрясла небеса! А этот князь Му, сговорившийся с Жунди, поплатился за свои грехи...

Е Жу отвела взгляд и, стараясь казаться равнодушной, спросила:

— Цзян Сычэн, а клан Му... действительно такой плохой?

Цзян Сычэн, услышавший рассказ, нахмурился и поставил кувшин на стол.

— Первый глава клана Му был генералом-основателем, несколько поколений они служили верой и правдой. Му Цинхэ тоже совершил немало подвигов, не думаю, что он злодей.

— Тогда почему все его проклинаяют?

— Ты знаешь про Жунди, Наньмань и клан Призрачного Клинка?

— Это враги?

— Да. На поле боя Му Цинхэ познакомился с Гуйдао Течжа и проникся уважением к его доблести. Му Цинхэ не раз просил двор помиловать Жунди, но в этот раз они воспользовались его благородством и попытались напасть исподтишка. Двор тут же обвинил его в пособничестве врагу.

— Значит, князь Му... невиновен?

— Не совсем. Му Цинхэ много раз получал отказы, однажды в ярости он даже назвал Ли Цзиньшу никчемным правителем прямо в тронном зале. На самом деле, страной сейчас правит

вдовствующая императрица Жун, его приемная мать.

— Ли Цзиньшу не родной сын императрицы?

— Нет. Мать Цзиньшу отравили, когда ему было десять лет, и покойный император отдал его на воспитание Жун.

— Тогда...

Е Жу хотела спросить еще, но Цзян Сычэн постучал её по лбу:

— Откуда столько вопросов?

Она поняла, что с её нынешним положением не стоит лезть в государственные дела — лишние расспросы могут вызвать подозрения, и замолчала. Цзян Сычэн отпил вина:

— Впрочем, это секрет полишинеля. Путь Цзиньшу тернист, и если я могу ему помочь, я это сделаю. Но ты, мелкий бродяга, как ты можешь называть императора по имени? Если кто услышит, это сочтут за оскорбление величества. Да и меня... я всё-таки генерал, не пристало тебе так фамильярно называть меня Цзян Сычэном.

— Подумаешь, генерал! Ты же сейчас сидишь со мной за одним столом и пьешь. Если уж на то пошло, на мне сейчас одежда генерала, я больше похожа на него, чем ты!

Эта фраза вызвала у Цзян Сычэна приступ хохота:

— С твоим-то телосложением — и генерал?

Е Жу улыбнулась, и в её глазах заплясали искры.

— Ну тогда скажи, как мне тебя называть, великий генерал?

Цзян Сычэн беспомощно рассмеялся и, подумав, ответил:

— Хм... зови меня братец Цзян.

— Я всего лишь нищая, как я могу называть великого генерала братом?

Цзян Сычэн щелкнул её палочками по лбу.

— Теперь ты опять нищая? Другие за счастье сочли бы стать моей сестрой, а ты еще и нос воротишь.

Е Жу показала ему язык и потянулась за кувшином. В голове мелькнули кадры из сериалов: многие сановники теряли милость императора именно из-за излишней близости, что в итоге заканчивалось кровавой враждой. Глаза Е Жу померкли, перед мысленным взором возникло лицо Ли Цзиньшу.

Неужели и его ждет та же участь?

Ли Цзиньшу стоял перед вдовствующей императрицей, вытянувшись во фрунт.

— Что, у тебя есть претензии к моим действиям?

— Этот бродяга низкого происхождения. Сегодня на банкете я уже слышала перешептывания, нельзя оставлять её во дворце!

Императрица жестом велела служанке массировать ей виски.

— И ты тоже, сосредоточься на делах управления. Во дворце полно благородных наложниц, выбирай любую, не отвлекайся на женщин из мира простых смертных. Клан Му пал, еще неизвестно, остались ли у них сторонники. Ты император, ты должен думать о безопасности государства.

— Этот бродяга... жив?

Ли Цзиньшу ответил сухо:

— Не знаю. Поела, потеряла сознание, её вышвырнули из дворца.

— Ну и хорошо, меньше хлопот.

— Слушаюсь! Ваш покорный слуга удаляется!

Ли Цзиньшу нахмурился, глядя в сторону дворцовых ворот.

На следующий день Ли Яцин ворвалась во дворец Юнхэ, заливаясь слезами.

— Братец Цзиньшу! Это ты погубил Е Жу?!

Ли Цзиньшу отложил донесения. Ли Яцин подбежала и вцепилась в его руку.

— Злой братец! Как ты мог! Е Жу ведь спасла тебя!

— Яцин, не шуми.

— Не буду! Ты ведь еще два дня назад так хорошо к ней относился! Почему ты так с ней поступил?!

— Сын Неба должен заниматься государственными делами. Е Жу — простолюдинка, человек низкого происхождения. Матушка дала мне совет, и я всё понял.

— Я знаю! Это всё та злая императрица...

— Хлоп!

Звонкая пощечина оставила красный след на щеке Ли Яцин.

— Не смей болтать лишнего!

— Уходи. Император устал, я тоже утомлена сегодняшним днем.

— Слушаюсь, сын ваш удаляется.

Выйдя из дворца Шаннин, Ли Цзиньшу сохранял ледяное спокойствие. Направляясь в Юнхэ, он проходил через безлюдное место и негромко произнес:

— Выходи.

Из тени появился тайный страж.

— Ваше Величество, тела клана Му, сто пятьдесят три человека, найдены. Двойник Му Цяньгэ также готов.

— Хорошо.

— Но...

— Что еще?

— Тела Му Цинхэ и Му Гэ сильно обгорели, опознать их невозможно. Личность можно подтвердить только по личным вещам.

— Вещи подлинные?

— Да.

— Ступай.

Слуги во дворце Юнхэ, напуганные гневом императора, пали ниц. Ли Яцин смотрела на Ли Цзиньшу с неверием.

— Ты ударил меня...

Ли Цзиньшу опустил взгляд, избегая её глаз.

— Кто-нибудь, отведите Третью принцессу в её покои. Назначить ей переписывание дворцовых правил пятьдесят раз и запретить выходить из дворца три дня!

Не дожидаясь стражи, Ли Яцин с громким плачем выбежала вон. Ли Цзиньшу сжал кулаки, в его глазах промелькнула боль. В залах Юнхэ воцарилась тишина.

— Все вон!

Через мгновение в зале остался только он один.

— Му Цяньгэ...

Прожив несколько дней в резиденции Цзян Сычэна, Е Жу привыкла к шуму и суете. Цзян Сычэн, как и Ли Яцин, был большим любителем поболтать. Он знал всё: от дворцовых интриг до городских сплетен. Мог говорить целыми днями, не повторяясь. Е Жу слушала его рассказы, словно интересные сказки.

— Я? Э-э... когда Ли Цзиньшу спас меня, я потеряла память. Прошное почти стерлось из памяти...

— Хм? Вот как... Но на мой взгляд, ты раньше была мелкой хулиганкой.

Цзян Сычэн ткнул её пальцем в лоб:

— Ты ведь бродяга, а на лице ни следа тяжелой жизни.

Е Жу замерла. Какая наблюдательность!

— А что, если Цзиньшу тебя обманул? Сказал, что ты бродяга, а на самом деле ты его тайная возлюбленная?

Е Жу вымученно улыбнулась.

Какая проницательность! Угадал на восемьдесят процентов.

— Маленький бродяга, твои глаза часто напоминают мне одного человека.

Цзян Сычэн вдруг неожиданно добавил:

— Е Жу, а как ты жила раньше?

Е Жу, подперев подбородок рукой, засмотрелась куда-то вдаль и не сразу нашла что ответить.

— М? Кто это?

— Дочь клана Му, Му Цяньгэ.

<http://bllate.org/book/18535/1782887>